

с. 3

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

На первой своей лекции г. Мережковский читал о «причинах упадка», на второй — о «новых течениях» современной русской литературы. Ни «упадка», ни «новых литературных течений» в лекциях г. Мережковского не оказалось, но крайней мере, что касается до литературы. Никогда еще, кажется, не приходилось ни слышать, ни видеть многобесодержательной болтовни, как на вчерашней лекции г. Мережковского. Литературные лекторы, в родъ гг. Боборыкина, Вейнберга и Андреевского — орамъ въ сравненіи съ г. Мережковскимъ. Слыша, точно горохонъ, модными литературными терминами и кличками, постоянно цитируя, иногда изъ села, иногда изъ города, Гете, Зола и т. п., бездоказательно и искусственно подгоняя русских писателей, и старыхъ, и молодыхъ, къ новѣйшимъ французскимъ литературнымъ направленіямъ, г. Мережковский ничего не объяснилъ, ничего не доказалъ, не далъ слушателямъ ни одного яснаго и надлежащаго образа обоснованнаго вывода. Началъ онъ свою лекцію съ защиты литературныхъ эстетиковъ, которыхъ, съ большими натяжками, онъ пытался отождествить съ народниками. «Народъ — это сама красота», по словамъ Мережковского: — почему нельзя любить народъ, любить красоту? Допустимъ, что можно, но что же изъ этого слѣдуетъ? Во всякомъ случаѣ не то, что желалъ доказать г. Мережковский, т. е. не тождество народа съ эстетической красотой. Въ некоторыхъ случаяхъ проявленіи народъ действительно очень красивъ; въ другихъ — прямо-таки безобразенъ, а такъ какъ литературные эстетики культивируютъ единственно красоту, они должны мало интересоваться народомъ. Некрасовъ интересовался народомъ, а напр., Фетъ — нисколько. Мостикъ, который лекторъ старался перебросить отъ эстетиковъ къ народникамъ, оказался подгнившимъ или даже вовсе не существующимъ. Но г. Мережковскому непременно хотѣлось доказать, что онъ и безъны его сердцу эстетики — символисты — импрессионисты — мистики «не отступники» отъ народа. Можетъ быть, и не отступники, но народъ самъ по себѣ, а они съ своими искусственными и коротенькими теоріями — тоже самъ по себѣ.

Идеальную поэзію вообще, художественную литературу будущаго, г. Мережковский усматриваетъ въ осуществленіи трехъ элементовъ: мистицизма, символизма и импрессионизма. Эти три элемента имѣются, будто бы, на лицо у лучшихъ изъ нашихъ писателей: Достоевскій и Левъ Тол-

Достоевскій
Мережковский
не имѣетъ
нѣтъ и мистицизма

Достоевскій
эти идеи
въ слѣдствіе

стой — мистики, Гончаровъ — символистъ, Тургеневъ — импрессионистъ. Но стопасть Тургеневу, по пути импрессионизма, пошелъ, будто бы, Антонъ Чеховъ; по стопасть мистика Достоевскаго — Всеволодъ Гаршинъ съ его «ядомъ неразрѣшимого сомнѣнія», вивающимся въ душу читателей. Ужасно какъ возмущаетъ лекторъ съ «неразрѣшимымъ», почему, вѣроятно, и не удастся ему ничего разрѣшить. Приравниваніе русскихъ писателей къ новѣйшимъ французскимъ, очевидно, патяжка. Называя, напримеръ, Гончарова символистомъ, г. Мережковский утверждаетъ, что гончаровскіе Вѣра, Маринька, Райскій, Маркъ Волохонъ, бабушка, Обломовъ — что это все символы, причемъ онъ, очевидно, сифшиваетъ символъ съ художественнымъ образомъ, съ типомъ. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыхъ очень много въ лекціяхъ Мережковского. По словамъ Блудинскаго, «художникъ мыслитъ образами»: но это не значитъ, что онъ мыслитъ символами. Отождествляя художественные литературные образы съ туманными символами, что въ такомъ ходу теперь у французскихъ литературныхъ эксцентриковъ, г. Мережковский показалъ, что, вообще, онъ не понимаетъ значенія символа. Гончаровъ давалъ художественные образы, типы, онъ никогда не давалъ символы, если не считать бабушки изъ «Обрыва», въ которой почему-то Гончарову захотѣлось изобразить Россію (?). Если затѣмъ Достоевскій и можетъ отчасти быть названъ мистикомъ, то развѣ можно считать мистикомъ графа Л. Н. Толстого, все значеніе котораго какъ разъ совершенно въ обратномъ — въ художественномъ реализмѣ изображеній? Курьезно, что, преклоняясь передъ Толстымъ и Тургеневымъ, передъ нормальными, какъ мистикомъ, передъ

вторымъ, какъ импрессионистомъ, г. Мережковский не стѣсняется обзывать первого «ограниченнымъ нуританиномъ», второго — «модникомъ», лишь только приведенія ихъ почему либо не соотвѣствуютъ его идеаламъ и требованіямъ...

Чего же собственно хочетъ г. Мережковский отъ русской литературы? Въ чемъ заключаются тѣ «новыя теченія», о которыхъ онъ вызвался говорить? Неужели въ мистицизмѣ, символизмѣ и импрессионизмѣ которыхъ лекторъ вполне произвольно отыскиваетъ у нѣкоторыхъ изъ русскихъ писателей? Но вѣдь Максъ Нордау справедливо сказалъ, что эти «новыя теченія» забористыя клочки и яко бы оригинальныя литературныя школы, всѣ эти символисты, импрессионисты, окультисты, декаденты — свидѣтельствуютъ только о литературномъ безсиліи писателей конца вѣка объ унакъ настоящаго плодотворнаго литературнаго творчества. Зола, котораго цитировалъ вчера г. Мережковский, обозвалъ это творчество «нелсымъ» шебетаньемъ» и «грошевыми пѣсенками». И такое-то «нелсное шебетанье», такіе-то «грошевыя пѣсенки» г. Мережковский ставитъ въ образецъ русской литературы, мало того, подгоняетъ подъ французскій вадоръ fin de siècle я образцовыя произведенія русскихъ писателей! Я повижаю теперь, почему мой знакомый писатель написалъ г. Мережко-искому проповѣдь литературнаго декадентства: по своимъ литературнымъ понятіямъ и симпатіямъ, г. Мережковский дѣйствительно декадентъ, человекъ вырожденія и безсилія, искатель въ литературѣ чего-то нелснаго, недосказаннаго, «неразрѣшнаго», непременно новаго и оригинальнаго, чего-то, словомъ, такого, что никакъ ему не дается и что врядъ ли и можетъ даться писателямъ, заносающимся въ какія-то туманныя сферы и порывающимся всѣ связи съ настоящимъ источникомъ всякаго творчества, жнаненной правдой.

Петербургъ.

В. С. АЯЛИНЪ

Заблудъ В. Черк
Скоро, Проститъ
Наскочу
Всѣ
и...
Заблудъ
и...
и...